

Глава 11. Кошмар наяву

— Что, не задалась ночь?

Заметив, что И Цзян то и дело зевает, а под глазами у него залегли тяжелые тени, Хэ Хунчжи удивленно поднял бровь.

— Ты вроде не из тех, кто страдает бессонницей. Неужто призрака встретил?

«Призрака...» До часу ночи, пожалуй, так оно и было. Вот только И Цзян слишком поздно осознал: встреча с любым привидением куда предпочтительнее сна в одной постели с Сяо Баем. У этого парня оказались все возможные пороки спящего человека: он храпел, скрипел зубами и вдобавок видел какие-то безумные сны. Стоило И Цзяну только провалиться в дрему, как Сяо Бай вскакивал с воплем: «Пожар! Горим!», заставляя соседа подпрыгивать на месте от ужаса. Стоило утихнуть «пожару», как начинались «рыцарские подвиги»: Сяо Бай принимался размахивать руками и брыкаться, пока одним мощным пинком не вышвыривал И Цзяна — который был раза в полтора его крупнее — на пол. Посреди ночи И Цзян, не выдержав, попытался сбежать в свою комнату, но едва оказавшись в одиночестве, вновь почувствовал, как по спине пробегает знакомый холодок. В итоге, дрожа от липкого страха, он покорно вернулся под одеяло к мучителю.

Хэ Хунчжи видел лишь осунувшееся лицо друга. Он и не подозревал, что под одеждой у И Цзяна скрывается целая коллекция синяков: одни достались от «боевых приемов» Сяо Бая, другие — от регулярных падений с кровати. Но хуже всего было утро. Увидев помятого соседа, тот заявил с невозмутимым видом:

— Ну ты даешь. Как можно умудриться упасть с кровати во сне? Тебе бы поработать над дисциплиной, а то спишь как попало!

От такой наглости И Цзян едва не лопнул. Вспыхнув от праведного гнева, он в один присест умял обе приготовленные порции лапши, не оставив Сяо Баю ни капли бульона.

Впрочем, расплата настигла его незамедлительно. К дикой сонливости прибавилась тяжесть в животе. На занятиях учитель трижды справлялся о его самочувствии и предлагал сходить в медпункт, а Хэ Хунчжи в шутку легонько ткнул его кулаком в бок, отчего бедолага едва не расстался с завтраком прямо в аудитории.

«Проклятый Сяо Бай...» Желудок был набит так плотно, что об обеде не стоило и помышлять. Поэтому сразу после лекций И Цзян отправился в библиотеку. Совесть его была чиста: пока виновник его ночных злоключений маялся от голода, он намеренно оккупировал шезлонг в кабинете директора, чтобы наконец-то выспаться.

Днем занятий не было. Когда в два часа прозвенел звонок, возвещающий о начале лекций у других курсов, И Цзян встал, чтобы заняться привычным делом — сортировкой возвращенных

книг. Утренний улов был скудным, и он быстро разнес литературу по этажам, но даже этой физической нагрузки не хватило, чтобы переварить двойную порцию лапши. Уборка выставочного зала сегодня не требовалась, так что он решил подняться на девятый этаж и устроить генеральную проверку стеллажей с перьевой щеткой в руках.

Закончив работу на девятом, он наконец почувствовал, что тяжесть в животе отступила, а на смену ей пришла приятная усталость. И Цзян направился в уборную в конце коридора. Выйдя оттуда, он случайно бросил взгляд на галерею десятого этажа напротив. Там, у самого входа на лестничную клетку, показался учитель Юэчжэн в компании какого-то студента. Они вышли из первой же двери.

Учитель Юэчжэн и юноша о чем-то негромко переговаривались, не замечая И Цзяна, стоявшего по диагонали от них этажом ниже. Спустя мгновение они скрылись на лестнице. Обычно студенты и преподаватели пользовались лифтом, если им нужно было подняться так высоко, и мало кто был настолько «сыт по горло» в буквальном смысле, чтобы карабкаться по ступеням пешком. Но странность заключалась в другом: комната, из которой они вышли, не была книгохранилищем. Это была подсобка.

На каждом этаже рядом с лестницей располагалось такое хозяйственное помещение: там пылились старые сломанные стулья, шкафы, хранились запасные лампы, провода и инструменты. Уборщица заглядывала туда раз в неделю, а ключи хранились на первом этаже у охраны. Их выдавали только электрикам или техническому персоналу.

«Что учителю Юэчжэну и студенту понадобилось в кладовке на десятом этаже?» — любопытство укололо И Цзяна. Он поднялся выше и дернул ручку двери, но та, как и ожидалось, была заперта на автоматический замок. Выругав себя за глупость, он вернулся к книжным полкам на десятом, принявшись смахивать с них пыль.

Тишину внезапно разорвал пронзительный женский крик.

Архитектура библиотеки в форме каре создавала великолепную акустику. Стоило кому-то громко закричать, и звук эхом разлетался по всем закоулкам здания. Крик почти сразу перешел в надрывные рыдания. Внизу началась суматоха. И Цзян бросился к перилам и глянул в центральный атриум. Там, внизу, уже собралась толпа: студенты, пришедшие за книгами, и отдыхающие преподаватели. С галерей других этажей тоже выглядывали любопытные.

Всеобщее внимание было приковано к пятому этажу. Люди не убегали оттуда, а, напротив, спешили внутрь одного из книгохранилищ. Именно оттуда доносился плач. Вскоре толпа расступилась, и из дверей вышел высокий парень. На руках он нес девушку в белом платье. Она рыдала в голос, и ее крики гулким эхом бились о стены библиотеки. Рядом бежала другая студентка, пытаясь перевязать руки пострадавшей каким-то белым лоскутом, похожим на газовый шарф. Но ткань уже насквозь пропиталась багрянцем, и кровь капала на одежду спасавших.

Люди поспешно освобождали им путь. Все присутствующие провожали их взглядом до самого

выхода. Медпункт был совсем рядом — в пяти минутах ходьбы. Когда троица исчезла за дверями, библиотека загудела от приглушенных голосов и перешептываний.

И Цзян со всех ног бросился вниз, но в атриуме едва не сбил с ног мужчину. Лбом он угодил прямо в подбородок незнакомца. Тот охнул от боли, а И Цзян почувствовал себя так, словно приложился лицом к металлическому ершику для мытья посуды.

Перед ним стоял учитель Фудзивара — все тот же неопрятный «беспольный дядька». Именно его многодневная щетина так болезненно уколола лоб И Цзяна.

— О, это же наш шахматист.

— Меня зовут И Цзян, — буркнул парень, потирая ушибленное место. Извиняться перед этим типом не хотелось. — Что там стряслось? Стеллаж рухнул?

— Понятия не имею. Я сам был на пятом, но когда подошел, у дверей уже стояла пробка — не пробиться. Судя по тому, как они выходили, у нее, кажется, только руки повреждены. Наверное, махнула рукой и зацепила острый край полки.

Книжные стеллажи в библиотеке были массивными, железными, и углы у них действительно порой попадались острые. Но обычно их обматывали тканью именно для безопасности. Неужели можно так сильно порезаться, чтобы кровь хлестала фонтаном?

— Даже не знаю, насколько там все серьезно, — вздохнул И Цзян. — Если она с музыкального факультета, дело плохо.

— Она как раз оттуда.

— Что?

Учитель Фудзивара почесал небритый подбородок.

— Вроде как пианистка или на пипе играет... Судя по тому, сколько крови она потеряла, рана глубокая. Если задеты нервы, пиши пропало — придется забирать документы.

— И что, это совсем не лечится?

— Зависит от случая. Организм у каждого восстанавливается по-разному. Врачи, конечно, залатают так, чтобы в быту руки слушались, но для профессиональной игры нужна идеальная точность. Малейший шрам или микротравма — и о сцене можно забыть навсегда.

Сердце И Цзяна пропустило удар. Он не знал эту девушку, но сама мысль о музыканте, который больше никогда не сможет коснуться струн, казалась ему невыносимо печальной.

— Чего ты так разволновался? — Фудзивара усмехнулся. — Ты же ее даже не знаешь.

— Даже если не знаю, разве нельзя просто посочувствовать? — И Цзян сердито посмотрел на него. — Вам бы всё хиханьки да хаханьки, а у человека, может, вся жизнь под откос пошла!

— Всего лишь не сможет играть на инструменте, делов-то. От этого не умирают, — хмыкнул Фудзивара. — Жизнь длинная, и если нельзя брэнчать на струнах, это еще не конец света. Она молода: переучится или поступит в обычный вуз, время есть. Поначалу, конечно, будет больно, но год-другой — и смирится. Придется смотреть правде в глаза. Человек — существо живучее, не находишь?

И Цзяну показалось, что в этом вопросе скрыт какой-то издевательский подтекст. Фудзивара буравил его с непонятной пристальностью, глядя сквозь спутанные волосы. Эта циничность вызвала у парня отторжение, напомнив их недавний разговор о «реальности». Легко рассуждать о смирении, но ведь в академию все приходят с мечтой. Какой учитель станет вдалбливать студентам жестокую правду жизни раньше времени? Обычно это приберегают для выпускников, которые не могут найти работу.

Не желая продолжать спор, И Цзян сухо попрощался и ушел.

Когда волнение улеглось, люди начали расходиться. И Цзян поднялся на пятый этаж, в секцию художественной литературы. Кровь уже успели замыть, но влажные следы швабры привели его точно к месту происшествия. Уборщица протирала стол. И Цзян огляделся: на полу еще виднелись неумытые капли, но, судя по всему, пострадали только стол и стул, на котором, видимо, сидела та девушка. Кровавая дорожка тянулась отсюда к самому выходу.

— Ты чего здесь застрял? А ну, отойди, не мешай! — проворчала тетя Ли, словно стараясь отогнать дурное предзнаменование. — Ума не приложу, как так вышло. Сидела себе спокойно, книжку читала, и на тебе... Нынешняя молодежь совсем изнеженная пошла.

— Кровь была только на столе и стуле? — быстро спросил И Цзян.

Уборщица смерила его недовольным взглядом.

— Ну да. Хорошо хоть на полки не попало, а то с книг кровь поди отстирай!

На полках ни капли? Значит, она не могла удариться о стеллаж.

— Вы говорите, она была одна? То есть не натыкалась ни на что острое?

— Я как раз заходила мусор забрать незадолго до этого. Она сидела там одна-одинешенька. Стоило мне выйти, как поднялся крик. Беда, ох, беда... Говорят, она с музыкального, руки порезала. Как же она теперь играть-то будет?

Тетя Ли собрала ведра и вышла. И Цзян остался в пустом зале один. И в этот миг то самое чувство липкого ужаса, что преследовало его ночью, вернулось с новой силой.

Девушка в белом платье. Окровавленные руки.

Стоило ему на мгновение прикрыть глаза, как перед мысленным взором вспыхнул ночной кошмар. И Цзян надеялся, что с восходом солнца наваждение исчезло, но видение настигло его в реальности.

Совпадение? Он горько усмехнулся. Таких совпадений не бывает. Впрочем, девушка из сна и пострадавшая в библиотеке не были одним и тем же лицом.

Обычно во сне лица людей расплываются, но И Цзян помнил всё отчетливо. У девушки в кошмаре были каштановые волосы до плеч, а у той, что вынесли на руках, — короткая стрижка, крашенная в ярко-рыжий. Лица он не разглядел, но нутром чуял: если та, «сонная» незнакомка появится перед ним наяву, он узнает ее мгновенно.

«Кстати, разве раньше такого не было?» В ночь перед первым учебным днем ему тоже снился сон. И парень в очках из того видения был точной копией Гун Ци.

— И Цзян?

От неожиданности парень подпрыгнул на месте, едва не сбив с ног подошедшего. Это был учитель Юэчжэн с охапкой книг в руках.

— Что с тобой?

Учитель Юэчжэн испуганно отпрянул, увидев дикий взгляд студента. И Цзян поспешно заставил себя улыбнуться.

— Простите, задумался. Не ожидал здесь кого-то встретить... Вы еще не ушли?

— А? — Юэчжэн выглядел озадаченным. — Я... зашел подобрать кое-какую литературу.

— Осторожнее, — И Цзян едва не ляпнул, что видел его в подсобке на десятом, но вовремя прикусил язык. — Тут только что несчастный случай произошел.

— Да, я слышал, — учитель вздохнул. — Видел внизу, как выносили девушку, всю в крови. Ужас какой. Что же там стряслось?

— Кажется, о полку ударились.

— Вот оно как... — Юэчжэн покачал головой. — Бедняжка, выглядело всё очень скверно.

Похоже, учитель Юэчжэн смыслил в происходящем еще меньше, чем он сам.

— Учитель, какие книги вам нужны? Давайте помогу.

Юэчжэн протянул листок с названиями и шифрами. И Цзян, уже досконально изучивший библиотечную систему, в два счета нашел всё необходимое. Когда он принес книги к стойке регистрации, дежурный администратор, глядя на хилую фигуру учителя, распорядился, чтобы И Цзян помог донести стопку до преподавательского общежития.

— Право, мне неловко тебя утруждать.

Учитель Юэчжэн рассыпался в благодарностях всю дорогу, отчего И Цзяну самому стало не по себе — не привык он к такой почтительности со стороны старших.

— Ого, сколько литературы. Вы всё это за месяц осилите? — поинтересовался парень.

В руках у него была внушительная пачка, да и сам учитель нес еще несколько книг — всего десять штук, предельный лимит для преподавательской карты. И каждая книга — толщиной в два пальца, не меньше. Судя по весу, Юэчжэн вряд ли дотащил бы их сам.

— У меня часов немного, — мягко улыбнулся учитель. — В свободное время читаю, пишу рецензии.

«Преподаватель общеобразовательных дисциплин, — подумал И Цзян. — Понятно, времени вагон». Они перебросились еще парой пустяковых фраз, и, оставив книги в комнате Юэчжэна, И Цзян ушел.